

*Шукурова Мадина Абдураимовна
Магистрант II- курса
Чирчикского государственного педагогического института
Ташкентской области
Республика Узбекистан*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: в статье рассмотрено современное состояние фразеологических исследований в преподавании предмета русский язык и литература в учебных заведениях.

Ключевые слова: фразеологизмы, идиоматичные единицы, лингвистика, грамматика, исследование, современный русский литературный язык.

*Shukurova Madina Abduraimovna
2-year master
Chirchik State Pedagogical Institute Tashkent region
Republic of Uzbekistan*

CURRENT STATE OF PHRASEOLOGICAL RESEARCH

Abstract: the article examines the current state of phraseological research in teaching the subject Russian language and literature in educational institutions.

Keywords: phraseological units, idiomatic units, linguistics, grammar, research, modern Russian literary language.

Исследование идиоматичных единиц русского языка обычно считается одним из значимых течений языковедческих изучений.

Присутствие в данном разрешении индивидуальных задач в рамках этого нюанса исследований тесным образом связано с определением самого понятия «фразеологизм». К настоящему времени в лингвистике существует большое число дефиниций данного термина, отличающихся друг от друга объемом включаемых в определение признаков фразеологического оборота.

Как демонстрирует исследование, из числа свойств, свойственных фразеологической единице отличающих ее от других языковых единиц, выделяют свойства разного характера:

- формально–грамматические свойства;
- смысловые свойства;
- свойства бытования;
- многофункциональные свойства;
- риторические свойства (см. работы: Попов, 1976; Назарян 1976; Мелерович, 1982; Жуков, 1986; Мокиенко 1989; Копыленко, Попова, 1989; Кунин, 1996; Алефиренко, 1993, 2000; Ковалева, 2004 и др.).

Наблюдения показывают, что логика лингвистических исследований неизбежно привела в начале XXI века к почти одновременному осмыслению фразеологических единиц как средства и/или способа вербализации того или иного концептуального содержания. Именно поэтому также необходимо не только ввести в лингвистический обиход понятие и термин «фразеологическая концептуализация», однако также попробовать равно как возможно глубже и детальнее исследовать все без исключения нюансы, сопряженные со данным когнитивно–словесным действием.

«Современное состояние фразеологических исследований характеризуется обращением к когнитивным аспектам языка, что

предполагает исследование фразеологических единиц с когнитивной точки зрения, установления их роли и места в объективации мыслительных процессов, а главное, определение структур знания, которые стоят за фразеологическими единицами и вербализуются ими. Существует и фразеологическая репрезентация как особый способ представления концептуального содержания в языке. Под фразеологической репрезентацией понимается вербализация определённой части концептуального содержания посредством фразеологических единиц. В этой связи учёные говорят о том, что фразеологическая картина мира того или иного народа—это умение и искусство этого народа представлять сложные концепты в виде образов (Игнатов 2006).

Фразеологическая концептуализация действительности является, таким образом, особым механизмом языка в силу того, что фразеологические (устойчивые) единицы осуществляют межпоколенную трансляцию культуры, сохраняя «ценности концептосферы культуры» (В.Н.Телия).

Фразеологические единицы представляют собой знаки «языка» материальной, социальной и духовной культуры русского народа (В. Н. Телия).

Исследователи отмечают, что важнейшим средством и механизмом, участвующим в образовании фразеологических единиц, является языковая среда человеческой жизнедеятельности. В связи с этим когнитивное содержание фразеологических единиц можно рассматривать не только с позиций непосредственно смыслового наполнения, но и с точки зрения

Мотивационных оснований их семантики. Для анализа проблемы фразеологической концептуализации актуально, что семантика ФЕ состоит не только из образно переосмысленных значений, ситуаций, представлений, но и из оценок, эмоций, культурных установок.

Л. Ю. Буянова и Е. Г. Коваленко выделяют следующие составляющие

информативности ФЕ:

- 1) денотативную информацию;
- 2) оценочную информацию;
- 3) мотивационную информацию;
- 4) эмотивно–оценочную информацию;
- 5) стилистическую информацию.

Как пишет Л. Ю. Буянова, «когнитивная информация ФЕ, основанная на ее денотации и коннотации, обогащается за счет культурной информации, аккумулированной в «культурной коннотации» (В.Н.Телия) ФЕ, представляющей собой интерпретацию денотативного или образно–мотивированного аспектов значения ФЕ в категориях культуры» (Буянова, Коваленко 2004: 129). Таким образом, понятие коннотации является актуальным и важным для определения специфики фразеологической концептуализации мира и культурной функциональности фразеологизмов. В. А. Маслова считает, что «закрепление ассоциативных признаков, то есть возникновение коннотаций, – процесс культурно–национальный, не подчиняющийся логике здравого смысла. В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно–национальную языковую картину» (Маслова 2001:56).

Фразеологические единицы, представляя собой отражение ментальных структур народа, характеризуются ярко выраженной национально-культурной маркированностью.

Всевозможные формулы представления социокультурного места выступают в сознании человека не в чистом варианте, а как трансформированные в конкретные взгляды, общепризнанных мерок, стереотипы поведения, т.е. образуют составляющие его миропонимания,

мировосприятия, миро осмысления и кодировки итогов познавательной работы человека в грамматике языка, в схемах конкретного речевого общения и иных языковых средствах, реализующих культурные и мировоззренческие интенции что или же другой общественной группы, класса, цивилизации, культуры, которую Т.М. Дридзе позиционирует как «систему кодифицированных (и, как правило, запечатлеваемых на разного рода носителях) образцов и общепризнанных мерок поведения, работы, общения и взаимодействия людей, несущих регулятивную и контрольную функции в обществе» (Дридзе 1994: 25).

В непростой всемирной языковой картине мира возможно отметить большое количество наиболее индивидуальных картин, любая из коих выделяется языковым своеобразием. И у всякого «мира», или же микромира, есть своеобразные речевые сигналы, знакомую конкретному кругу носителей языка. Более внятно сигналы «конкретного» мира проявлены в словах-концептах, в лексике и фразеологии, в пословицах, поговорках, крылатых словах и изречениях.

Фразы–концепты, любое с каковых, равно как принцип, представляется в свойстве имени семантического поля, предназначаются сигналом «вхождения» во особый языковой «мир» определенного смыслового поля. Сигналами того или иного мира могут быть фонетические, ритмические, интонационные, синтаксические, текстовые показатели. В существующей иерархии языковых картин мира универсальная языковая картина противопоставляется идиоэтнической (Новикова, Черемисина 2000: 40–49). Хотя принципиально язык соотносится с одним и тем же объективным миром, расхождения в его смысловой концепции проистекают с разного навыка людей согласно изучению, одного и того же мира. Данное обретает собственное представление в отличиях лексической также грамматической номинации

явлений также действий, в сочетаемости этих либо других смыслов, в их этимологии.

Как подчеркивает Н. Б. Мечковская, во многом речь никак не ввергает нам этого либо другого восприятия реальности, а, наоборот, реальность по-разному отображается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей (Мечковская 2000: 18).

Таким образом, вопрос нетождественности вербальной категоризации настоящей реальности в различных стилях способен являться осмыслено равно как вопрос нетождественности фигур общественно важных деятельностей, в рамках которых настоящая реальность приобретает различное членение.

В этом смысле понятной становится предложенная Г. Гачевым метафора «национальные образы мира» о языках. Будучи одним из признаков нации, ее социального взаимодействия, язык представляет собой главную форму выражения и существования ее культурного наследия благодаря своей кумулятивной функции.

Необходимо уточнить, что понятие «образ жизни» включает «образ действий» и «образ мысли» (Давыдов 1991: 217).

Перечисленные признаки культуры упомянуты как определяющие в формулировках К. Клакхона, Э. Сепира, У. Бекета, Б. Малиновского, А. С. Кармина и других исследователей. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой общество определяется как «совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности» (1998: 432).

Следует отметить, что, по данным многих ученых, определяющим признаком феномена социума является не «совокупность людей», а разнообразные социальные отношения и взаимодействия—«формы совместной жизни и деятельности» (Смелзер 1994: 16).

В социальной и культурной антропологии относительно устойчивые и повторяющиеся способы восприятия, чувствования, мышления, поведения определяются как культурные паттерны или культурные образцы. Они включают общепринятые в данном обществе представления, ценности, установки, институционализованные оценки, поэтому чаще всего культуру как социальный феномен определяют именно через ценностные ориентации. Общеизвестно, что значение слова антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос (Падучева 1996). Фразеологическое значение – это тоже интерпретация мира человеком.

Таким образом, речевая коммуникация – это формирование у человека знаний о реальной действительности и передача их с помощью языковых знаков.

По образному выражению Р. Ладо, язык является проводником «социальной действительности», он властно обуславливает все наши размышления над социальными проблемами и процессами. Люди живут не в одном лишь объективном мире и не в одном лишь мире социальной деятельности, как обычно представляют, но в значительной мере находятся во власти конкретного языка, который стал средством их общения (1989).

В силу упомянутых особенностей язык становится все более ценным ориентиром при научном исследовании данного общества и культуры. На двустороннюю связь языка и культуры, языка и социального содержания культуры – общественных отношений – указывают многие исследователи (Л. В. Щерба, Э. Сепир, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Б. Мечковская).

Таким образом, культурная матрица, т. е. совокупность устойчивых признаков–модусов культуры, определяет способ восприятия и интерпретации мира членами общества.

Использованные источники:

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999.
2. Буянова Л. Ю. О концепте «душа» в лингвистической традиции // Филология-PM101odl.ca. Краснодар, 1998 . № 13. С.12-15.
3. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980.
4. Жуков В. П. Русская фразеология. М., 1986.
5. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
7. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. М., 2001.
8. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Учеб. пособие. М., 1998 .
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
11. Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002. С.8-51.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
14. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
15. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

16. Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове
// Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 7-15.